

RU

Социально-критический дискурс в романе-дистопии Юли Це «Corpus delicti. Процесс»

Новикова Н. Н.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности жанровой специфики романа-дистопии Юли Це „Corpus delicti. Ein Prozess“ («Corpus delicti. Процесс») с учетом заключенной в нем социально-критической интенции. В статье рассматриваются, во-первых, дефиниции терминов «утопия» / «антиутопия» / «дистопия» для того, чтобы раскрыть жанровое своеобразие романа Юли Це, во-вторых, анализируются сюжетно-композиционные особенности романа с акцентом на социально-критический дискурс, а также своеобразие поэтики произведения. Научная новизна данного исследования заключается в том, что роман «Corpus delicti. Процесс» представляет собой мало изученное как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении явление – современный роман-дистопию, обозначивший, на наш взгляд, уникальную творческую эволюцию жанров социально-критического и утопического романов в современной немецкой литературе. В результате было доказано, что произведение Юли Це – это биополитическая дистопия, где в центре внимания находится конфликт сторонников и противников естественной жизни в условиях насильственного внедрения государственной системой биотехнологий, призванных «усовершенствовать» человеческую природу. Обращаясь к нарративам, использовавшимся в предшествующей литературной практике, автор романа обостряет апокалипсическое звучание антиутопии как предупреждения о возможной катастрофе для человечества, ставшего на путь изменения естественной природы человека. Представленная в романе Юли Це трактовка темы взаимоотношения человека и общества на новом этапе развития технологий, влияющих на человеческое сознание, свидетельствует о возвращении в литературу социально-критического дискурса, облаченного здесь в форму дистопии.

EN

Socio-critical discourse in the dystopian novel “Corpus Delicti: A Process” by Juli Zeh

N. N. Novikova

Abstract. The aim of the research is to identify the features of the genre specificity of Juli Zeh’s dystopian novel “Corpus delicti. Ein Prozess” (“Corpus Delicti: A Process”), taking into account the socio-critical intention contained in it. The article provides, firstly, various definitions of the terms “utopia” / “anti-utopia” / “dystopia” in order to reveal the genre originality of the novel in question, and secondly, analyzes the plot and compositional features of the novel with an emphasis on socio-critical discourse, as well as the singularity of the poetics of the work. The scientific originality of this research lies in the fact that the novel “Corpus Delicti: A Process” is a phenomenon that has been little examined in both Russian and foreign literary studies, it is a modern dystopian novel, which, in our opinion, marked a unique creative development of the evolution of the genres of socio-critical and utopian novels in modern German literature. The results of the analysis showed that Juli Zeh’s work is a biopolitical dystopia, focusing on the conflict between supporters and opponents of natural life in conditions where the state forcibly introduces the system of biotechnologies designed to “improve” human nature. Turning to the narratives used in previous literary practice, the author of the novel sharpens the apocalyptic edge of dystopia as a warning of a possible catastrophe for humanity, which has embarked on the path of changing human nature. The interpretation of the topic of the relationship between man and society at a new stage in the development of technologies affecting human consciousness presented in Juli Zeh’s novel indicates the return to literature of socio-critical discourse, here in the form of dystopia.

Введение

Актуальность данного исследования определяется бурным развитием жанра антиутопии в современной литературе, в частности, немецкоязычной, причиной чего стали изменения социально-культурного контекста,

усиление драматических умонастроений на фоне глобальных исторических сдвигов рубежа веков и начала XXI века. Антиутопические мотивы актуализируют в художественном пространстве социальные тревоги современников. В научной литературе проблема жанра утопии и антиутопии уделяется большое внимание, о чем далее пойдет речь. Вместе с тем существует необходимость более точного определения границ жанров антиутопии и дистопии как подвида современной антиутопии, что является одним из спорных вопросов в исследовательских работах. Автор статьи делает попытку выявить основные типологические черты жанра дистопии на примере романа Юли Це «Corpus delicti. Процесс».

XX век представил множество произведений в жанре антиутопии, что можно расценивать как своеобразную ревизию иллюзий предшествующего миропонимания, основанного на вере в возможность построения общества всеобщего благоденствия. Дистопия является порождением и продолжением жанра антиутопии, одновременно демонстрирующая свое яркое своеобразие. По утверждению В. А. Чаликовой, выдающегося исследователя жанра утопической литературы, «дистопия ближе к реалистической сатире, всегда обладающей позитивным началом, антиутопия – к модернистской, негативистской и отчужденной, к “черному роману”» (1992, с. 10). Исходя из этого утверждения, мы можем заключить, что социально-критическая интенция органична для жанра дистопии, поскольку решает ключевую для него задачу – стать зеркалом дня сегодняшнего, дабы избежать катастрофы в потенциальном будущем. Поддерживая тезис о близости дистопии к реалистической сатире, автор статьи анализирует социально-критический дискурс романа Юли Це «Corpus delicti. Процесс» полемизирует с утверждением о присутствии оптимистического начала в жанре дистопии.

Задачи, решаемые автором статьи:

- рассмотреть принятые определения жанров «утопия», «антиутопия», «дистопия» и установить жанровую принадлежность романа «Corpus delicti. Процесс»;
- выявить и проанализировать особенности социально-критического дискурса в романе «Corpus delicti. Процесс»;
- исследовать художественно-стилистические особенности данного романа.

Методы исследования, применявшиеся в ходе работы, носят комплексный характер: традиционный литературоведческий анализ, предполагающий рассмотрение художественных особенностей романа и раскрытие его стилистического своеобразия, изучение литературоведческих трудов отечественных и зарубежных исследователей по означенной тематике для выявления существующих научных концепций антиутопии/дистопии, знакомство с рядом произведений социально-критического жанра в современной литературе, позволившее выявить общие типологические черты произведений и ввести анализируемый роман в широкий литературный и литературно-исторический контекст.

Материалами исследования послужили, в первую очередь, произведения Юли Це:

- Zeh J. Corpus delicti. Ein Prozess. Frankfurt am Main, 2009.
- Zeh J. Fragen zu Corpus delicti. München, 2020.

В исследовательское поле включены современные антиутопии: Констанция Денниг «Поцелуй клона» (K. Dennig „Klonküsse“, 2005), Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (2005, перевод на русский 2019), Оса Эрикссонтер «Бойня» (2016, перевод на русский 2021), а также романы Е. Замятина «Мы» (1920), О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932) и Д. Оруэлла «1984» (1949).

Теоретическую базу исследования составили, во-первых, литературоведческие работы русских и зарубежных исследователей по проблемам жанровой специфики антиутопии, а также труды о современном немецкоязычном романе, его проблематике и поэтике. Научные работы В. А. Чаликовой (1992) дают обстоятельное теоретическое осмысление различных жанров утопии, в том числе и дистопии. Труды Б. А. Ланина (1933) посвящены главным образом жанру утопии в современной русской литературе. А. Ф. Любимова (1996; 2001) исследовала истоки и трансформацию жанров утопии и антиутопии в XX и XXI веках. М. И. Шадурский (2007) изучает типологию утопии и особенности ее функционирования в современном литературном контексте. Г. В. Кучумова (2019) пишет в своем труде об актуальной романной прозе в немецкоязычном пространстве на фоне смены культурных парадигм после 1980 года – «второго нулевого пункта» в истории литературы Германии. Проблемы современного немецкого утопического романа изучаются в статьях и диссертационном исследовании Е. Ю. Селивановой (2013). Немецкий ученый Н. Фёрстер (Förster, 2001) пишет в своем исследовании о повороте современной немецкой литературы к социальной проблематике, в том числе и в произведениях утопического жанра.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при разработке вузовского курса «История зарубежной литературы XX-XXI веков», а также при подготовке спецкурсов, спецсеминаров по проблемам немецкоязычной литературы. Полученные результаты могут найти применение в разработке учебных пособий для студентов филологических факультетов. Теоретическая разработка жанра дистопии может быть применена в дальнейших исследовательских работах по концепциям художественных жанров.

Обсуждение и результаты

Предметом исследования в статье является социально-критический дискурс в романе Юли Це «Corpus delicti. Процесс», жанровая специфика произведения, его сюжетно-композиционные и стилистические особенности.

Роман Юли Це вышел в свет в 2009 году и сразу оказался в числе самых обсуждаемых и популярных произведений. Первоначально это был сценарий спектакля, который ставился во многих театрах страны. Успех романа превзошел популярность спектакля, он даже внесен в список обязательного чтения для старшеклассников. Живой читательский интерес к роману обусловлен тем, что тема биоэтики становится все более актуальной. Распространение ВИЧ-инфекции и иных болезней цивилизации, а затем пандемия коронавирусной инфекции и последовавшие ограничения, несомненно, заставили по-новому оценить перспективы человечества на фоне стремительного развития биотехнологий. Писатели задумываются о том, какие социальные последствия влекут за собой изменения в условиях человеческого существования научные открытия и общемировые кризисы.

В 2020 году автор опубликовала книгу «Вопросы о “*Corpus delicti*”», где в форме интервью излагает свое, авторское толкование особенностей содержания и поэтики произведения, его политической и идеологической основы (Zeh, 2020).

Жанр своего романа Юли Це обозначает как дистопию. Проблема жанра утопии и антиутопии в науке не имеет однозначного решения. Мы принимаем за исходное положение определение утопии как художественного воплощения мечты об идеальном общественном устройстве, где царит всеобщее благоденствие. Такая трактовка жанра не вызывает разногласий. Антиутопия, в свою очередь, трактуется как противоположность утопии, негативное переосмысление утопического идеала, то есть изображает такие представления о будущем, которые принципиально отрицают возможность создания идеального общества. В определении жанровой специфики антиутопии существуют два подхода. В ряде работ сама антиутопия не выделяется в отдельный жанр, утопия и антиутопии рассматриваются как единый жанр, лишь несущий разные знаки общих эстетических установок (Шадурский, 2007; Воробьева, 2009). В иной трактовке жанр антиутопии признается самостоятельным и обладающим набором свойств отдельной жанровой модели (Любимова, 1996; Солобуто, 2022).

Настолько же неоднозначно определение жанра дистопии и его отличия от антиутопии в исследовательских работах. Существует множество вариантов определения жанра дистопии (антиутопия, дистопия, метаутопия, негативная утопия и иные), хотя до сих пор не дано четких критериев, разграничивающих разные виды жанра. Распространено мнение, что дистопия лишь синоним антиутопии (Любимова, 1996; Селиванова, 2013; Жада-нов, 2010). И. Ю. Вераскич (2010) видит в дистопии некоторую самостоятельность, называя ее «поджанром» или вторичным жанром антиутопии. Одновременно существует, как в российской науке, так и за рубежом, точка зрения, согласно которой дистопия представляет собой самостоятельный литературный жанр, основной идейный посыл которого – предостережение от возможной абсолютной победы сил разума над силами добра (Шадурский, 2007; Дыдров, 2014). «Дистопия демонстрирует детерминацию духовного телесным» (Дыдров, 2014, с. 68). При этом «телесное» обозначает весь комплекс рационального, что для авторов дистопии синонимично злу. Важно отметить, что в дистопии элемент фантастического не столь значителен, как в антиутопии, внимание автора сосредоточено на проблемах современности.

Признак, объединяющий все разновидности антиутопии, – это их противопоставление утопии, образу идеального мира. Понятно, что грань между этими жанрами весьма зыбкая. Большинство произведений жанра антиутопии могут быть отнесены и к разряду дистопий в силу их идейной напряженности (Дж. Оруэлл, Е. Замятин и иные). Мы склонны разделять точку зрения, согласно которой дистопия является «поджанром» антиутопии, поскольку четкие признаки дистопии выделить не всегда удается, поэтому трудно говорить об устойчивой жанровой модели.

Зло выступает в дистопии как абсолютный принцип социального общественного устройства, превращаясь, таким образом, в фактор индивидуального существования. Дистопия – своего рода роман-предупреждение о грядущем технологическом и социальном кошмаре, зомбировании и генной инженерии и прочих опасностях цивилизации.

Успехи технического развития в таком обществе представляются абсолютным благом для человечества, поскольку они должны осуществить всеобщее равенство и так осчастливить каждого отдельного человека, – идея, которую развенчивает антиутопия. Дистопия, по сути, предьявляет жестокую правду реализованной мечты о всеобщем равенстве и счастье и предостерегает от соблазна вступить на этот путь, ведущий к краху идеи поступательного движения человечества, разрушению гуманистической традиции, установок историзма, поскольку в нем нет ни прошлого, ни будущего. «Ценность дистопии заключается во многом в моделировании, оценке и предупреждении рисков, которые имманентно включены в любую попытку достичь этих идеалов [всеобщее удовлетворение потребностей личности на фоне ее неограниченной свободы. – Н. Н.]» (Андреев, Тузовский, 2023, с. 11).

Как утверждает сама Юли Це: «Дистопия – это... антиутопия, в которой разрабатывается сознательно негативное видение общества, которое также призвано пролить критический свет на нынешние условия. При этом текущие события экстраполируются в будущее. Исторически сложилось так, что дистопия является детищем промышленной революции. По сути, она представляет собой переход от позитивной веры в прогресс к озабоченности прогрессивным развитием» (Zeh, 2020, S. 120-121) (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Н. Н.).

Дистопия как поджанр антиутопии всегда имеет очевидный политический подтекст, она предполагает протест против диктатуры разного рода и противопоставление ее индивидуальной свободе; и, таким образом, выступает как жанр политической полемики. Художественный конфликт вырастает из противостояния бунтаря-одиночки мощной, все подавляющей системе власти. «Конфликт в антиутопии возникает там, где герой... пытается преодолеть тоталитарный контроль над своей жизнью и личностью. ...это ведет к нарушению статус-кво в системе. ...Персонаж стремится к свободе и отстаиванию своих прав личности.

Государство стремится к восстановлению статус-кво, кроме того – к возможному уничтожению восставшего индивида» (Ланин, 1993, с. 157). В этом смысле Юли Це следует классическим образцам жанра дистопии, в произведении присутствуют многочисленные литературные аллюзии и реминисценции. Отличие произведения Юли Це от классической антиутопии – в переносе действия в узнаваемый, современный контекст, что и порождает напряженность конфликта: все происходит сегодня и сейчас. Реалистичность сатиры в дистопии создается всем комплексом обстоятельств, на фоне которых происходит событие: время, окружение, проблематика, сближающая фактуальное и фикциональное описание.

Конфликт в романе исходно не носит идеологический характер. Противостояние главной героини Мии Холл и всеильного Метода – неперсонифицированной, окруженной флером сверхъестественного системы управления государством рождается как личная обида и перерастает в ценностное противостояние. «Поле битвы», на котором у Юли Це разыгрываются типичные для антиутопии темы: биополитика, диктатура и демократия, конфликт между безопасностью и личной свободой, между свободой индивидуума и благополучием общества, – это здоровье человека. Зло коренится в трактовке подхода к проблеме. Здоровье отдельного индивидуума, возведенное в статус государственного принципа, лишает человека свободного обращения с собственным телом – единственной, казалось бы, неотъемлемой собственностью человека, и в этом автор романа видит серьезнейшую проблему современного общества.

«Все более усиливающаяся фиксация на телесном... меня пугает. Мысли и действия людей все более концентрируются на здоровье, хорошей физической форме, красоте, питании, молодости и так далее. Политика, экономика и СМИ раскручивают этот тренд» (Zeh, 2020, S. 92). Возросшее на этой почве общество, кажется, должно осуществить вековую мечту о гармонии человека и государственного устройства, однако именно здесь и кроется источник конфликта. «Общество, объявляющее здоровье залогом успеха, а болезнь – формой несостоятельности, антигуманно и антиобщественно» (Zeh, 2020, S. 92).

Опасности, таящиеся в неразумном применении биотехнологий, биодиктатура, не раз становились темой современной, в том числе и немецкой, литературы. В антиутопии современной австрийской писательницы К. Денниг «Поцелуй клона» (K. Dennig „Klonküsse“, 2005) автор обращается к проблематике биоэтики, а именно клонирования человека и связанных с ним опасностей для человеческого общества. Возможно, самое яркое видение проблемы клонирования, хотя и противоположное изображенному в романе К. Денниг, представляет англоязычный писатель Кадзуо Исигуро в романе «Не отпускай меня» (2005). Шведская писательница Оса Эрикссон в романе «Бойня» (2016) говорит об опасности агрессивно навязываемых стандартов красоты и здоровья, приобретающих масштабы культа, общественной идеологии. В ее идеальной, преуспевающей стране физически уничтожаются все граждане с избыточным весом, не соответствующие идеальным эстетическим стандартам «прекрасного нового мира».

Рациональный интерес каждого общества состоит в том, чтобы граждане были здоровы и работоспособны. В идеальном случае того же хочет и каждый отдельный человек. Конфликт может возникнуть там, где отдельному индивидууму вменяется в обязанность забота о собственном здоровье, а проступки (курение, невыполнение предписанной физической нагрузки и прочее) караются как преступление против общества, вследствие чего виновный объявляется врагом государства. Автор демонстрирует, как из незначительных разумных ограничений возникает система подавления индивидуальной свободы выбора.

Сама система вырастает на основе и при поддержке общественных настроений, а не навязана насильственно извне. Государственная политика активно поддерживается общественным настроением, а Система лишь использует конформность человеческой личности в собственных целях. Диктатура существует только там, где общество уверено в ее необходимости, а ограничение свободы личности доходит до полного отказа от нее.

Юли Це концентрирует внимание на опасностях, коренящихся в индивидуалистическом, безыдейном развитии личности постмодерна. Человек, не знающий религиозных идеалов и ограничений, «пострелигиозная» личность XXI века, лишенная устаревших гуманных ценностей, становится собственным кумиром. Из этого проистекает и утрированное внимание к собственному телу.

Биодиктатура, о которой повествует Юли Це, – это результат добровольного отказа среднестатистического пострелигиозного человека от приватности в пользу безопасности.

Действие романа Юли Це разыгрывается в географически ограниченном пространстве, огражденном от «неидеального» мира. Важно расстояние между фиктуальной формой существования (временем действия) и формой существования читающего. В «Corpus delicti. Процесс» этот разрыв невелик, несколько десятилетий.

Герои Юли Це живут «в середине двадцать первого века», в идеальном «гигиеническом» пространстве, где нет ядовитых испарений промышленных предприятий, болезней и пороков больших городов. Здесь поезда на магнитной подушке, поля солнечных батарей, упорядоченно растущие деревья, пластиковые цветы на балконе, одинаковые «умные» дома, где постоянно поддерживается оптимальная для здоровья температура 19,5 градуса, – словом, ничего, что вызывало бы удивление современного читателя, отчасти уже подготовленного к подобным чудесам технического прогресса. Тем более ярко проявляются современные страхи и фобии. Антиутопия – «энциклопедия страхов» современного человека (Филатов, 2014, с. 86).

Основное место действия – дом главной героини, Миа, одно из тех жилищ, где человек находится под постоянным контролем Метода.

Все психофизиологические показатели человека от анализов испражнений до особенностей психического состояния контролируются и фиксируются при помощи вживленного в тело чипа. Пусть утрата телесной автономии, интимности частной жизни, лишает человека его сущности, но граждане добровольно и с энтузиазмом

следуют предписанным правилам, принимая заботу Системы о здоровье человека как единственно правильный принцип существования индивидуума в рамках государства. Предписанный кодекс поведения регламентирован от бытовых мелочей (в качестве угощения гостю предлагают чашку горячей воды с капелькой лимонного сока) до деторождения лишь в партнерстве с рекомендованным партнером. Любые отклонения строго караются системой, но такие меры тоже приветствуются и встречают всеобщее одобрение.

Жанр антиутопии, в нашем случае дистопии, предполагает строгую поляризацию персонажей: система и ее противник. В «Corpus delicti. Процесс» Миа, главная героиня, успешный биолог-исследователь, ее брат Мориц (он присутствует лишь в воспоминаниях героини) представляют антагонистов системы. Врагом Метода является и некая тайная организация RAK („Recht auf Krankheit“, явная аллюзия к террористической организации RAF), провозгласившая «право на болезнь» неотъемлемым правом человека. Неясно, существует ли эта организация в действительности или же является одним из измышлений журналиста Крамера, дабы подтвердить необходимость жестких мер, в отношении «оппортунистов» – нарушителей общественных правил.

Приравнивание телесного здоровья к благонадежности – исходный посыл в программном документе Генриха Крамера, идеолога мира абсолютного здоровья, издателя газеты «Здоровый человеческий разум». «Здоровье – это состояние совершенного телесного, душевного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезни. ...Здоровый человек... обладает оптимистической верой в идеологию, душевной силой и стабильностью» (Zeh, 2009, S. 100). Крамер имеет исторический прототип. Монах-доминиканец, позже инквизитор и доктор теологии, исторический Крамер был инициатором первых процессов против ведьм. В 1486 году он опубликовал знаменитый «Молот ведьм», который имел ужасающее влияние, превратившись в руководство для всех гонителей «ведьм».

Героиня романа, Миа Холл, тоже совершенно не случайно носит имя реального исторического лица – женщины, подвергшейся в конце XVI века по приказу инквизиции жесточайшим пыткам из-за обвинения в колдовстве.

Миа XXI века обвиняется в противодействии Системе из-за нежелания принять правоту государства в процессе против ее брата и пренебрежения установленными Методом правилами. По ходу действия она переживает глубокую трансформацию от искренней сторонницы Метода (Системы) до статуса официально провозглашенного врага государства. Причиной такого развития стало обвинение ее брата Морица в жестоком преступлении, и последовавшее за ним самоубийство юноши.

Романтик и мечтатель Мориц, каким его помнит и любит сестра, выбирается за пределы «идеальной гигиенической среды», чтобы насладиться настоящей природой, ловить рыбу, курить и философствовать о свободе. «Человеку мало просто жить, если это лишь означает бытие здесь и сейчас. Человек должен познать своё существование. В опьянении. В поражении. В воспарении. В чувстве полной власти над собственным существованием. Над собственной жизнью и собственной смертью» (Zeh, 2009, S. 89).

По сути, он безобиден, и его юношеский оппортунизм ничем не угрожает Методу, он лишь невольный участник конфликта сторонников и противников естественной жизни. И, тем более, судьба Морица стала тем нечаянным фактором, который сломал незыблемую веру Миа в правоту и непогрешимость Системы. Результат анализа ДНК, на котором строилось обвинение, оказался ошибочным, а невиновность Морица была признана слишком поздно.

Миа, в действительности, не делает ничего противозаконного: не выступает в прессе или на демонстрациях, не собирает вокруг себя сторонников, но она сомневается. Это делает ее опасной в мире единогласия.

Любой противник общественной формации, превращается в “homo sacer” – «человека ничтожного». Это понятие, введенное Джорджо Агамбеном в знаменитом труде «Homo sacer: суверенная власть и голая жизнь», Юли Це использует в своем романе. Ее Миа – «это homo sacer, то есть человек, представляющий собой с точки зрения государства бесправную, голую жизнь, подобно насекомому, с которым можно делать все, что хочешь: мучить его, убить, запереть в клетку или просто игнорировать. Кусочек биологического существования, отданный на откуп произволу» (Zeh, 2020, S. 100).

Дабы избавиться от потенциально опасной личности, Система возбуждает судебный процесс против Мии как государственной преступницы. В тюрьме героиня извлекает из руки вживленный чип – идентификатор каждого гражданина общества, накапливающий всю информацию о нем. Благодаря чипу человек находится под постоянным контролем, его жизнь становится «голой», если обратиться к метафоре Агамбена из упоминавшегося выше сочинения. «В любой тоталитарной антиутопии метка – это “лицо” ее носителя. В этом и скрыта перверсия социальных отношений: “я” богато... имеет свой неисчерпаемый внутренний мир, но этот мир, увы, не интересен властным структурам. Он приковывает внимание власти... лишь тогда, когда им движет сепаратизм» (Дыдров, 2023, с. 25).

Избавившись от чипа, героиня превращается в официальную противницу Метода, а ее преследование, тюремное заключение, пытки и суд обретают в глазах публики видимость легитимности.

Миа приговаривается к высшей мере наказания, то есть, криоконсервации на неопределенное время. За время процесса она стала знаменем борьбы тайной организации RAK, потому принимает приговор с сознанием своей правоты и надеется на то, что ее судьба послужит делу борьбы против Системы. Эту последнюю иллюзию разрушает помилование в последнюю минуту. Таким образом, Система вырывает знамя из рук оппозиции. Героиня помилована, ее судьба – бессрочное лечение в санатории. На прощанье Крамер бросает Мии пачку сигарет и зажигалку. Этот последний жест, демонстративный, издевательский означает только одно – торжество абсолютной победы всемогущей Системы. Жанр дистопии не несет в себе оптимистического заряда, в этом его отличие от классической антиутопии.

Поэтика романа традиционно вызывает нарекания критиков из-за его сильной привязки к сценической версии. Драматургический дискурс лежит в основе композиционной структуры романа и определяет его стилистические особенности.

Композиционно роман состоит из пятидесяти коротких глав, где обычно представлены диалоги персонажей, в чем очевидно влияние сценарного текста. Главам предшествуют краткие названия, (к примеру, «Квартира Миа», «Визит» и так далее), что более свойственно текстам пьес. Автор нарушает каноны романного жанра, в ее книге действие превалирует над описанием, размышления персонажей – а их количество незначительно, что тоже можно отнести к элементам драматургического дискурса, – подаются непосредственно в форме высказывания, как в сценических произведениях, краткие и преимущественно информативные. Элементами драматургической поэтики являются и эффектные «театральные» жесты персонажей (например, удаление чипа героиней, поведение Крамера в сцене помилования и иные).

Язык повествования прост, лишен метафоричности, а речь персонажей – индивидуальности. Возможно, этот авторский прием призван подчеркнуть стандартизацию личности в условиях Метода, но он обезличивает персонажей, превращая их в глашатаев, озвучивающих те или иные идеи. И в самом деле, что-то неестественное есть в философских беседах брата и сестры, где не затрагиваются никакие обыденные темы (например, еда или погода). Кажется, автору важнее идейное содержание романа, нежели его художественная сторона.

В месте обитания героев романа отсутствует природа. Лишь за стеной, ограждающей «новый прекрасный мир», в котором изолированно живут герои романа, от неведомого им человеческого существования вне пределов их замкнутой среды, течет река, и шумят от ветра деревья. Мир героев романа лишен цвета. Основной цвет, белый, упоминается лишь одиннадцать раз, чаще всего в описании одежды персонажей. Кроме белого, встречаются еще черный и серый цвета, преимущественно в переносном, метафорическом значении («Серое прошлое», «черное, как ночь, пространство человеческого»). Человек находится в бесцветной и прозрачной среде, открытый всем взглядам. Символичен сон Мии: она пытается выбраться наружу, разбивает оконное стекло, чтобы почувствовать дуновение ветра, вдохнуть свежий воздух, но только ранит себя осколками.

Так же мало в этом мире звуков: не звучит музыка, не слышно пения птиц, шума ветра. В комнате у Мии бубнит телевизор, на лестнице разговаривают соседи. Основной звук – человеческие голоса.

Мир биодиктатуры безрадостен и несправедлив, по сути своей бесчеловечен, поскольку стирает человеческую душу. В этом и заключается основной посыл автора.

При всех претензиях к поэтике романа, он значим своей социально-критической интенцией, и является важным звеном в ряду произведений аналогичной направленности. Роман Юли Це свидетельствует о том, что в современную литературу возвращается социальная тематика (Förster, 2001). В более поздних произведениях автор исследует означенную проблематику уже на материале современности, развивая на новом этапе реалистическую традицию немецкой литературы.

Заключение

Анализ романа позволяет сделать следующие выводы:

1. Рассмотрение дефиниций жанра антиутопии и дистопии дает основание определить дистопию как поджанр антиутопии, отличающийся своим обостренным социальным и полемическим звучанием, что является специфической особенностью романа Юли Це.

2. Роман «*Corpus delicti. Процесс*» несет в себе серьезный социально-критический заряд, раскрывая потенциальные опасности для будущего, заложенные в развитии современного общества, его науки и этики. Роман Юли Це представляет образ будущего как тоталитарного, античеловеческого политико-социального образования. По мнению автора, поступательное развитие общества привело его в социально-культурный тупик, что стало ловушкой для личности. Выход из тупика чреват для социума общественным взрывом, а для отдельно взятого персонажа отшельничеством либо самоубийством. Это своего рода роман-предупреждение о возможных последствиях негативного развития исходно гуманных идей. Заслуга автора романа заключается в том, что она уловила опасности, уже проявившиеся в ходе развития цивилизации. Социально-критическая интенция произведения, действие которого происходит в условном будущем, максимально приближенном к сегодняшнему дню, «выстреливает» в полной мере, в этом и заключается значимость романа.

3. Социально-критическая проблематика органична для антиутопии, поскольку данный жанр «отменяет» любую детерминированность, временную или же социальную. Автор выходит за пределы данности, говорит о ее возможных последствиях. В нашем случае речь идет о биоэтике: роман «*Corpus delicti. Процесс*» стоит в ряду произведений, предостерегающих от попыток корректировать человеческую природу. Пафос дистопии – в отсутствии позитивного заряда, она не утешает читателя, не дает ему ни малейшей надежды на возможность оптимистического развития событий, когда человечество уже достигло точки бифуркации.

4. Анализ художественного своеобразия романа показывает его близость драматургической версии, что определяет композиционные и стилистические особенности текста. Речь не идет о синкретизме жанров (драматического и прозаического), Юли Це представляет прозаическую интерпретацию сценической версии сюжета.

Перспективы дальнейшего исследования лежат в двух направлениях: во-первых, изучение и анализ произведений жанра антиутопии, как и дистопии, и, во-вторых, рассмотрение эволюции социально-критического романа в современной немецкой литературе.

Источники | References

1. Андреев Е. А., Тузовский И. Д. Образы будущего цифровой эпохи в произведениях метажанра антиутопии начала XXI века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 50.
2. Вераскич И. Ю. Зарубежная литература XX века: курс лекций / Министерство образования Республики Беларусь. Мозырь, 2010.
3. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дисс. ... д. филол. н. Самара, 2009.
4. Дыдров А. А. Очерки о теле и телесности в дистопии: от медицинских операций к маргинальным объектам // Corpus Mundi. 2023. Т. 4. № 1 (11).
5. Дыдров А. А. Человек будущего в дистопии. Тело // Челябинский гуманитарий. 2014. № 1 (26).
6. Жаданов Ю. А. Посторуэлловская дистопия: упадок жанра или его трансформация? // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2010. № 2.
7. Кучумова Г. В. Немецкоязычный роман рубежа XX–XXI вв.: проблема Другого. Самара, 2019.
8. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
9. Любимова А. Ф. Жанр антиутопии в XX веке: содержательные и поэтологические аспекты: учеб. пособие по спецкурсу / М-во образования Рос. Федерации, Пермский государственный университет. Пермь: ПГУ, 2001.
10. Любимова А. Ф. Постмодернистские структуры в антиутопическом романе // Вестник Пермского университета. 1996. Вып. 1.
11. Селиванова Е. Ю. Антиутопический роман в немецкоязычной литературе конца XX – начала XXI вв.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2013.
12. Солобуто Д. С. Антиутопия: эволюция жанра и его особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858).
13. Филатов В. И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74).
14. Чаликова В. А. Утопия и культура: эссе разных лет: в 2 т. / ИНИОН РАН. М., 1992. Т. 1.
15. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: ЛКИ, 2007.
16. Förster N. Die Wiederkehr des Erzählens. Deutschsprachige Prosa der 80-er und der 90-er Jahre. Berlin, 2001.

Информация об авторах | Author information**RU****Новикова Нина Николаевна¹**, к. филол. н., доц.¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России**EN****Nina Nikolaevna Novikova¹**, PhD¹ Moscow State University of international Relations (MGIMO)¹ n.n.novikova12@gmail.com**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 12.07.2024; опубликовано online (published online): 02.10.2024.

Ключевые слова (keywords): роман Юли Це «Corpus delicti. Процесс»; антиутопия; роман-дистопия; социально-критический дискурс; гуманистические ценности на фоне развития технологий; novel “Corpus Delicti: A Process” by Juli Zeh; anti-utopia; dystopian novel; socio-critical discourse; humanistic values against the backdrop of technological development.